

УДК 81'33

*Т.И. Галеева, С.Х. Кахиахмедова, С.Н. Богатырева***МОРБИАЛЬНАЯ МЕТФОРА КАК СПОСОБ ОСМЫСЛЕНИЯ КОНЦЕПТА «ТЕРРОРИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

В статье предпринимается попытка осмысления весьма актуального для современного социального и политического дискурса концепта «Терроризм» посредством морбиальной метафоры. На сегодняшний день термин «Терроризм» очень трудно поддается определению в связи с различными изменениями в политическом дискурсе. Мы пытаемся понять феномен «Терроризм» через метафору болезни, потому что «болезнь» может быть предупреждена или, по крайней мере, излечима. Любой человек приходит в этот мир для созидания, для продолжения жизни, для ее утверждения. Любое физическое (физиологическое) или ментальное расстройство мешает полноценному человеческому присутствию в мире. В связи с этим, наряду с другими авторами и их публикациями в различных уголках планеты, мы делаем еще одно усилие интерпретировать хотя бы с этой точки зрения столь странное и страшное явление, как «Терроризм».

Ключевые слова: морбиальная метафора, дискурс, концепт, интерпретация, категория, ситуация.

Исследование различных метафорических моделей в политическом дискурсе представляется нам актуальным. Оно обеспечивает возможность систематизации полученных данных для дальнейшего изучения и описания картины мира с политической позиции, позволяет учитывать национальные особенности мышления, общественно-политическую ситуацию, всевозможные характеристики тех или иных политических реалий и другие дискурсивные факторы. «Метафора — это, прежде всего, способ постижения одной вещи в терминах другой, и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания» [8. С. 62].

Метафора рассматривается современной когнитивной лингвистикой (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Р. Гиббс, М. Джонсон, Ю.Н. Караулов, Е. Киттей, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Г. Лоу, В.В. Петров, Ф. Риготти, Т. Рорер, Ф. Руиз де Мендоза, Е. Свитсер, Т.Г. Скребцова, М. Тернер, Ж. Фоконье, Б. Хокинс, Й. Цинкен, А. Ченки, А.П. Чудинов и др.) как одна из важных или, пожалуй, фундаментальных мыслительных операций, нацеленных на познание, категоризацию, концептуализацию, оценку и объяснение мира.

Объектом исследования в нашей статье является метафорический концепт «Терроризм», который рассматривается при помощи методов наблюдения, анализа, синтеза, обобщения и систематизации, концептуального анализа, компонентного и текстового анализа языковых единиц, метода моделирования, элементов статистического анализа, деструкции, герменевтики, сравнительного анализа. Предмет исследования представляет собой концептуальную сферу политического дискурса.

Целью работы является выявление, описание и сопоставление особенностей реализации морбиальных метафор в политическом дискурсе на основе когнитивно-дискурсивного анализа политических текстов разных языков. Для достижения данной цели нам необходимо решить следующие задачи:

1. рассмотреть теоретико-методологические основы и базовые понятия предметной сферы в когнитивной лингвистике, коммуникативной прагматике и теории дискурса;
2. определить политический дискурс и сконструировать его когнитивную модель;
3. выявить соответствующие критерии отнесения концепта «Терроризм» к морбиальной метафоре методом когнитивно-дискурсивного анализа на материале британских, американских и российских политических текстов;
4. описать и сопоставить когнитивные аспекты британского, американского и российского политических дискурсов.

Дискурс, как его определяет Т. ван Дейк, — «это существенная составляющая социального взаимодействия, характерные черты которого — интересы, цели и стили» [7. С. 273]. Это следует понимать, как предсказание субъектом последующих событий на основе имеющейся информации. Однако, не все типы дискурсов прогнозируемы таким образом, т.к. дискурс часто повествует о чем-то неожиданном. В таком случае невозможно сконструировать ожидания вероятного хода событий.

Политический дискурс является отражением социальности, включающей в себя все институты общества: политику, экономику, религию, культуру, спорт, искусство, образование и пр. Поэтому

политическая речь политика является результатом языковой деятельности той партии или того «института», к которым он принадлежит, и соответственно, по мнению профессора В.И. Карасика, представляется «статусно-ориентированной» [10. С. 86; см. также 11. С. 46].

Дискурс, на основе анализа текстов, позволяет совершить реконструкцию социальной реальности, то есть раскрыть со-бытийность или смысл текста. Дискурсом мы будем называть текст, который открывается субъектами в процессе коммуникации. Текст раскрывает свое содержание одновременно и многоаспектно говорящим и говорящему, слушающему, читателю, переводчику и другим, кто имеет с ним дело.

Политический дискурс и его воздействие на общество привлекали пристальное внимание многих исследователей, в частности, М.Л. Макарова, В.И. Карасика, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, А.Н. Баранова, Р.Ж. Шварценберг, В.З. Демьянкова, Э.В. Будаева, Ю.С. Степанова, М.В. Ильина, О.Ф. Русаковой, Д.А. Максимовой, Е.В. Переверзева, З. Харрис, Т. Ван Дейка, Дж. Остина, Дж. Серля, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Дж. Сейдела и др. На основе знания о дискурсе мы получаем представление о свойствах некоторых предметов, об отношениях индивидов между собой, а также об оценке происходящих событий, т.е. мы узнаем о некоей ситуации, представляющей определенный фрагмент картины мира.

Политический дискурс следует отличать от иных видов дискурса, например, от коммуникативного или научного. Политический дискурс представляется как легитимация определенных действий. Данные действия выражаются в осознанной попытке понять «для себя». Из стороннего наблюдателя индивид превращается в субъекта, который способен упорядочивать и структурировать заданную информацию. В этом случае субъект пытается воздействовать на сознание слушателя. Таким образом, язык субъекта или говорящего действует не только как познающая сторона коммуникации, но на основе этого познания, он приобретает функцию манипуляции.

Отличие дискурса политического от научного или коммуникативного заключается именно в ситуативном воздействии с определенными целями. В связи с этим в текстах политических деятелей будет наблюдаться конвенциональное словоупотребление. Политический дискурс насыщен метафорами, использующимися для объяснения, оправдания или легитимации конкретных действий или принятых мер. Индивиды, слушая или читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из него модель, репрезентирующую то, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс.

Многие современные отечественные исследователи политического дискурса в своих трудах используют методы когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, М.В. Зимина, И.М. Кобозева, Е.В. Колотнина, А.Б. Ряпосова, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов). В связи с этим можно отметить два основных аспекта обработки дискурса, которые выделяют Т. ван Дейк и многие другие исследователи, – это структуры, представления знания и способы его концептуальной организации. То есть индивиды действуют и говорят о субъективных моделях «реального мира».

Рассмотрим некоторые определения и характеристики концепта «Терроризм», необходимые для дальнейшего его анализа с целью понимания в политическом дискурсе. На сегодняшний день нет точного определения терроризма, поскольку он, как и любое другое понятие, с изменением времени, места и условий его существования, приобретает разные формы, виды и оттенки, требующие своих классификаций. Несмотря на это, приведем некоторые из дефиниций. Так в словаре С.И. Ожегова есть такое определение: «Террор – физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам». Понятие терроризма всегда ведет к насилию» [37].

Большой юридический словарь дает такое определение терроризма: «совокупность общественно опасных в международном масштабе деяний, влекущих бессмысленную гибель людей, нарушающих нормальную дипломатическую деятельность государства и его представителей и затрудняющих осуществление международных контактов и встреч, а также транспортных связей между государствами» [4. С. 556].

Данное понятие вызывает самые неприятные ассоциации у людей, и, соглашаясь с Б. Кагарлицким, считаем, что оно все еще остается не до конца выясненным, «двусмысленным, удобным для манипуляций» [9. С. 3]. Определения терроризма не всегда являются достаточно объективными. Так Б. Дженкинс пишет: «Что назвать терроризмом, – зависит от нашей точки зрения. Использование этого термина подразумевает внутреннее осуждение. И если одна сторона успешно навешивает ярлык

«терроризм» на своего противника, то косвенно убеждает других принять свои моральные принципы» [22. С. 5].

А. Шмид в первом издании работы «Политический терроризм: методика исследования» более, чем на сотне страниц рассматривает различные определения терроризма, пытаясь найти наиболее полное, точное и исчерпывающее. Спустя четыре года, вторично издав данную работу, он так и не приблизился к цели, объяснив, что «...поиск точного определения термина по-прежнему продолжается» [25. Р. 19]. Термин «терроризм», применяемый на сегодня в самом широком смысле, имеет исключительно политическую окраску: терроризм – это насилие, используемое для достижения каких-то политических целей.

Для определения терроризма мы используем очень мощный инструмент – метафору. Метафору можно считать очень активным средством воздействия на читателя. По мнению Н.Д. Арутюновой, «метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдалённых участков нашего концептуального поля» [1. С. 9].

Осмысление концепта осуществляется посредством метафоры, на основании эмпирического опыта. отождествляя части нашего опыта с объектами, мы получаем возможность их категоризации или осмысления. «Новые метафоры обладают способностью творить новую реальность /.../. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей действительности, она изменит эту систему, а также порожаемые ею представления и действия /.../ [8. С. 126-170]. Таким образом, концептуальная метафора не только воспроизводит фрагменты культурного опыта данной общественной действительности, но и формирует его. Й. Цинкен [26], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор важно учитывать культурный и исторический опыт.

Глава мусульманского духовенства Египта заявил 21 ноября 2015 г., что терроризм представляет собой *заболевание*, которое использует религию в качестве прикрытия, и неправильно винить ислам за преступления, совершенные под его именем, такие как теракты в Париже, произошедшие 13 ноября того же года. Шейх Ахмед аль-Тайиб, глава Аль-Азхара, наиболее престижного мусульманского духовного университета в Египте, заявил на встрече с мусульманским Советом старейшин, который он возглавляет, что он осудил кровопролитие в Париже и нападение исламистских боевиков на отель в Мали [35].

Для того чтобы описать основания понятийной системы, необходимо разграничить опыт и его концептуализацию. Метафоры, основанные на простых базовых понятиях – верх-низ, внутри-снаружи, мир-война, и др., являются для нашей понятийной системы наиболее существенными; при помощи них мы можем рассуждать, понимать и общаться.

Понятие «концепт» определяется лингвистическим словарем как «явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение – в системе языка, понятие – в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [15. С. 38]. Рассматривая столь яркий концепт, как «Болезнь», который сопровождает человечество со дня его появления, можно с уверенностью согласиться с С.А. Аскольдовым, который считает, что «главной стороной концепта является функция заместительства. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (...) это, прежде, всего точка зрения на ту или иную множественность представлений и затем готовность к их мысленной обработке с этой точки зрения» [2. С. 269].

Даже при том, что Лавров на протяжении всей недели озвучивал перед журналистами положительную оценку переговоров, все равно было видно, что у него есть дела поважнее, чем оказывать содействие коллегам-«полуночникам» в заключении соглашения, в результате которого у США станет на Ближнем Востоке одной «головной болью» меньше, и при этом появятся новые возможности сосредоточить внимание на территориях у границ России.

*Even as Lavrov spoke positively to journalists about the negotiations throughout the week, he still seemed to have better things to do than pull all-nighters for a deal that effectively gives the United States **one less problem** to worry about in the Middle East and a greater capacity to focus on the Russian periphery [28].*

Данный пример высказывания одного из источников СМИ показывает, как морбиальная метафора кладет границу между жизнью и смертью или опасностью болезни, как создается языковая напряженность в политической ситуации. Эта «головная боль» свидетельствует о при-сут-ствии «Другого», который, выражая суть или сущность своего существования, создает как бы «излишек присут-

ствия за границами моей субъективной жизни»...[11. С. 187]. Нам представляется возможным наблюдать, каким способом решаются типизированные проблемы типичных субъектов. Устранение «головной боли» в русском тексте открывает возможности «здоровья» и более комфортного существования в будущем, что, в свою очередь, открывает новые горизонты дальнейшей интерпретации реальности. В английском варианте текста мы не наблюдаем полного лексического соответствия. Тем не менее, и там обнаруживается наличие проблемы. Конструирование потока мышления осуществляется через точку границы, или точку тождества субъекта и объекта. Такое конструирование происходит в структурах языка и никак иначе, поскольку мышление обнаруживается только в языке и посредством языка [6. С. 61].

В языке структурируется некая гипотетическая реальность и отражается повседневная реальность. Появляется рефлексия на возможности использования дискурса – во время речи «говорящий» всегда может успеть выразить другой смысл, вплоть до противоположного. Потенциал обыденного естественного языка более используется автором, нежели читателем. Обыденный язык, язык повседневности, естественный язык, разговорный язык – эти понятия нередко выступают как синонимы. Такая синонимия позволяет рассматривать лингвистический материал в рамках философского феномена повседневности и в то же время требует специального анализа, в том числе и в отношении понятия «язык» вообще. Как отмечает представитель тартусско-московской семиотической школы Ю.М. Лотман, «естественный язык – не только одна из наиболее ранних, но и самая мощная система культуры в человеческом коллективе. Самой своей структурой он оказывает мощное воздействие на психику людей и многие стороны социальной жизни» [17. С. 16].

Морбиальная метафора является границей социальной реальности, одновременно как скрывающей, так и раскрывающей «реальный языковой мир», который в значительной мере бессознательно строится на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [13. С. 63]. Таким образом, модель морбиальной метафоры обнаруживается как когнитивный коррелят той политической ситуации, наблюдателем которой он является. «Таким путем каждое событие или ситуация получают репрезентацию в терминах субъективной модели» [5. С. 141].

Морбиальная метафора представляется одним из значимых способов категоризации, концептуализации и оценки действительности в современных политических текстах. *Morbus* с латинского переводится как «болезнь». «Болезнь – это нарушение нормальной жизнедеятельности организма, возникающее под действием вредных для него факторов. Болезнь может быть обусловлена также пороками развития или генетическими дефектами». (Медицинская энциклопедия). Согласно любой медицинской энциклопедии или иному источнику, так или иначе имеющему отношение к медицине, мы знаем, что в болезни существует определенный раздражитель, который, с одной стороны, повреждает здоровую систему, а с другой, – вырабатывает защитные функции организма. В связи с этим, болезни свойственно существование двух взаимосвязанных категориальных процессов – повреждение и защита.

Человеческое мышление оперирует образными ассоциациями на всех уровнях умственной деятельности и в различных сферах реальности. В технических и гуманитарных дисциплинах, в произведениях художественной литературы, используются образные системы, обладающие общечеловеческим, национальным, социальным или профессиональным статусом. Любая, даже в высшей степени отвлеченная, информация может быть разложима на наглядно-образные составляющие или передана с помощью более простых ассоциаций. По мнению Ж. Бодрийера, «Реальность привносится в образ как примесь страха, как содрогание... Терроризм – повсюду, подобно вирусу. Терроризм проник везде, он следует как тень за системой господства, всегда готовый выйти из тени, подобно двойному агенту» [27].

Морбиальная метафора, обладая прагматическим характером, позволяет отражать информацию в колоритной, емкой и доступной форме. Прагматическое понимание будем интерпретировать как последовательность содержательных процессов, которые приписывают высказываниям участников коммуникации иллокутивных сил. Но здесь возникает проблема выбора информации, необходимой слушающему для сопоставления речевых актов. По этой причине она используется сторонниками самых разных политических взглядов, особенно часто морбиальная метафора активизируется в периоды политических кризисов. Приведем пример высказывания:

И я знаю, что после стольких лет войны многие американцы задают вопрос о том, излечима ли раковая опухоль, с которой мы столкнулись. And I know that after so much war, many Americans are asking whether we are confronted by a cancer that has no immediate cure [33].

В современном мире нет ничего опаснее терроризма, поскольку он может распространяться, подобно раку, очень быстро. Данный концепт представлен в различных источниках (Каслова 2002; Муране 2002; Феденева 1998, Телешева 2004; Чудинов 2001; Шмелева 2001; Luoma-aho 2002; Perry 1983; Rash 2005 и др.) как тяжелая болезнь, которую необходимо лечить. Метафора болезни имеет антропоморфный характер, что свидетельствует о непосредственной и опосредованной связи с жизнедеятельностью человека, характеризует аспекты ее проявления и является «неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [9. С. 210].

Категоризация придает воспринимаемому миру упорядоченный и систематизированный характер. Это свидетельство того, что субъект способен судить об идентичности или противоположности различных объектов, распределяя их по классам и категориям. «Классифицирующее мышление, таким образом, обретает для себя сущностное пространство» [20. С. 33].

Категории обязаны своим происхождением взаимодействию социальных групп и их представлениям. Благодаря категориям, которые отражают социально-экономическое положение членов социальных групп, социокультурные характеристики и их личностные свойства, возникает понятие этнической группы. Категории способны передавать основную информацию, существенную для социально доминантной группы. Выражение субъективного осмысления или оценки интегрального процесса будет уложено в рамках «интерпретации».

«Категоризация в широком смысле слова – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс», в котором субъект способен «сгруппировать объекты и события вокруг нас с тем, чтобы реагировать на них, скорее в терминах их классной принадлежности, нежели в силу их уникальности» [12. С. 308].

Восточная Европа — это не географический регион. Это собрание тревог и беспокойств. Eastern Europe is not a geographical expression. It's a collection of worries [28].

Такая схема будет стратегически эффективной для понимания социальных ситуаций, то есть для решения той задачи, которую мы себе поставили. Из социальных ситуаций, как правило, извлекаются определенные «типы» информации, которые затем уже соотносятся с соответствующими категориями в схеме. Так, Форгас (1979) считает, что социальные ситуации интерпретируются и хранятся в памяти на основе их распределения, прежде всего по эмоциональным категориям: «приятный», «формальный» или «опасный» [8. С. 166]. По структуре, устройство моделей, которое мы здесь предлагаем, может быть названо категориальным. Так, каркас модели составляет схема, в которую входит определенное число фиксированных категорий.

ИГ – не просто банда психопатов. У него есть стратегия и лидер, который буквально следует радикальной идеологии джихада и наиболее воинственному прочтению ислама и Корана [30].

Это морбиальная метафора, в которой в качестве «сферы-мишени» будет выступать террористическая группировка, а «сферой-источником» является «Болезнь», которая в данном случае квалифицируется как психическая. Здесь важны не только и не столько стереотипные схемы, сколько модели ситуаций. Человек обращается к моделям соответствующих событий для того, чтобы каким-то образом дать оценку или определение какого-то действия. Причем, можно отметить, что наличие негативных оценок или мнений, представленных в модели ситуации в виде макропропозиций, объясняет причину более легкого конструирования или воссоздания отрицательной ситуации. Негативные идеи становятся более доступными.

Понятия, использующиеся в определениях через метафоры, соответствуют естественным видам опыта. В уже рассмотренных выше примерах имеется наличие таких видов естественного опыта, как *здоровье, спор, счастье, контроль* и др. Эти концепты следует определять посредством метафор, поскольку они недостаточно четко определены на своей собственной основе с целью достижения целей повседневной жизни индивида. Помимо этих понятий, которые используются в определениях-метафорах, для истолкования употребляются другие концепты, также соответствующие естественным видам опыта: *сумасшествие, боль, тревога* и т. п. Эти концепты для обозначения естественных видов опыта и объектов достаточно четко структурированы и имеют достаточно правильную внутреннюю структуру, чтобы их можно было использовать в определении других концептов. То есть они, правильно структурируют те естественные виды опыта, которые менее конкретны или менее четко определяются на своей собственной основе, что позволяет нам взаимодействовать с опытом такого рода.

1. Г-н Ким Хюн Чхон говорит, что, несмотря на ряд усилий, недавно предпринятых международным сообществом, *терроризм, подобно чуме*, продолжает распространяться по всем странам мира. Mr. Kim Hyun Chong said that *terrorism* continued to plague countries across the globe, despite a series of recent efforts by the international community.

2. *Терроризм, подобно болезни*, распространяется незаметно и затем разражается смертоносным взрывом. *Like a disease, terrorism* spreads quietly and erupts with deadly effect.

3. Эти явления, в том числе и международный *терроризм, подобны* эпидемиям и не могут ограничиваться рамками одного или более государств. These phenomena - including international *terrorism - which are like epidemics*, cannot be confined within the borders of one or more States.

4. Почти 60 лет спустя после создания нашей Организации наш столь хрупкий мир по-прежнему сталкивается с такими долгосрочными угрозами, как распространение ядерного оружия и появление новых опасностей, *подобных терроризму* и СПИДу, которые являются серьезным посягательством на международный мир и безопасность. Almost 60 years after the establishment of our Organization, our world, which is so fragile, still sees longstanding dangers such as nuclear proliferation and the emergence of new dangers *such as terrorism* and AIDS, which represent a serious threat to international peace and security [36].

Каждая метафорическая модель конструируется из фреймов и слотов. «Слот – компонент фрейма, детализирующий свойства и элементы типизированной ситуации» [5. С. 31]. Социальная ситуация, сложившаяся вокруг Европы, наводит на мысль об эпидемии болезни, которая «угрожает» людям и странам и повсеместно распространяется.

Метафора является феноменом сознания, а сознание всегда интенционально, то есть оно всегда направлено на объекты или предполагает их. Объекты предстают перед сознанием как элементы различных сфер реальности. Можно сделать вывод о том, что сознание способно перемещаться из одной сферы реальности в другую. Иначе говоря, субъект осознает социальный мир как состоящий из множества реальностей или, как называет их У. Джемс, «подмиров» [24. Р. 283].

Обыденное сознание воспринимает все эти подмиры друг от друга обособленно и, имея дело с одним из них, забывает на некоторое время о его связи со всеми остальными. Но при этом, любой объект, о котором можно помыслить, связан с каким-то из этих подмиров.

Когда же индивид размышляет об определенном объекте, перед ним соответственно встает вопрос. Он находится «в биографически детерминированной ситуации» [18. С. 62], то есть в определенном им «физическом» и социокультурном пространстве, в котором занимает свое определенное место. Когда объект становится проблемой для индивида, он оборачивается для него вопросом о понимании или осмыслении концепта, который выводит индивида за границы детерминированной ситуации в подмир, требующий ее переопределения. «Президент США Барак Обама сообщил журналисту Джеффри Голдбергу (JeffreyGoldberg) «*Мы должны признать, что после такого страшного кровопролития, такой резни не может быть возврата к довоенному состоянию*» [33].

Нашей главной задачей или «мишенью» является переосмысление концепта «Терроризм», который попадая на поверхность мышления индивида, как на поверхность зеркала или сетчатку глаза, отражается и затягивается в воронку осмысления. Проходит процесс субъективации, затрагивая все ассоциативные стереотипные связи индивида с его определенной социальной=языковой реальностью. Результатом сего действия можно считать произошедшую «вспышку», которая ослепляет сознание и порождает концепты, помогающие «уложить» исследуемый концепт в переживаемый опыт субъекта. Другими словами, эти «естественные» виды опыта *порождены природой человека*. Некоторые из них могут быть универсальными, а другие могут различаться от культуры к культуре.

Концепт «Терроризм» ассоциируется с другими концептами в политическом дискурсе разных стран, такими как, «Страх», «Боль», «Опасность», «Не-ожидаемое», присущие понятию болезни, от которой нужно защититься или лечить ее. Таким образом, появляется новая субъективная точка зрения на объект или интерпретация, на основе которой можно понять сущность явления терроризма. *ИГ – не просто банда психопатов. У него есть стратегия и лидер, который буквально следует радикальной идеологии джихада и наиболее воинственному прочтению ислама и Корана* [32].

Это морбиальная метафора, в которой в качестве «сферы-магнита» будет выступать терроризм, а «сферой-источником» является «Болезнь», в данном случае представленная психическим заболеванием. Мы можем сделать вывод, что понятия формируются для отражения действительности или ее понимания, то есть реактивируется или реконструируется познаваемый нами мир. Таким образом,

действительный мир предъясняется с позиции интерпретативности как перспективности. Именно для многообразия репрезентации способов и представлений различных актов деятельности призвана интерпретация. А это значит, что субъект всегда уже познает нечто структурированное, то, что он упорядочивает в надлежащие формы восприятия как фреймы или схемы. Они, в свою очередь, отражают знания, убеждения и мнения носителей языка, лежащие в основе понимания и порождения текстов.

«При поддержке масштабной российской операции с воздуха объединенные силы, похоже, сломали хребет антиасадовским повстанцам и выдавили их из ключевых областей страны, где они представляли угрозу для сирийского режима» [32]. Здесь фрейм «сломали хребет» ярко характеризует резкое изменение ситуации в ходе войны, которая уже не восстановится, потому что хребет – это остов или основание.

Фрейм представляется как процедурное знание – «знание как» или последовательность действий, описывающих либо креативный аспект предмета, либо его функциональный аспект», а в широком смысле слова «форма» [3. С. 15]. Фреймы подчеркивают нормативный характер ожиданий индивида, участвующего в той или иной деятельности, которую они организуют.

Схемы подчеркивают самое существенное, тем самым оставляют вариативными определенные черты и моменты данной ситуации, то есть схемы конструируются таким образом, что их можно варьировать, во всяком случае, как указывает Х. Ленк, так утверждают психологи, работающие в области когнитивной психологии [14. С. 54].

В политическом дискурсе разных стран прослеживается употребление следующих концептов, сопутствующих морбиальной метафоре: «Болезнь», «Рак», «Больной», «Шизофрения», «Способы лечения», «Головная боль», «Неизлечимая болезнь», «Пациенты», «Здоровый организм», «Симптомы болезни». Поскольку адекватное человеческое мышление рационально и использует воображение, постольку оно существенно адресуется к метафорическим моделям. Метафорическое мышление как бы прикрывает, но в то же самое время выставляет напоказ всю наготу НИЗ-менных смыслов концепта «Терроризм» или таким образом человеческими словами оправдывает нечеловеческие действия террористов. В приведенных примерах *со-стояние* (безумие, боль и т. п.) рассматривается как вместилище, а действие или со-бытие интерпретируется как объект, возникающий из вместилища. Причинность концептуализуется как возникновение со-бытия из со-стояния.

Морбиальная метафора в современном политическом дискурсе выступает в качестве фактора, выражающего синтаксическую целостность и речевое единообразие политических представителей различных стран и культур.

«Выражая свои соболезнования в связи с терактами, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила журналистам: «Нельзя поддерживать их в одном регионе (на Ближнем Востоке, на Северном Кавказе) и думать, что эта страшная болезнь современного мира не придет в другую часть планеты, – сказала она, призывая к более тесному взаимодействию в глобальной антитеррористической работе. – (Это) тупиковый путь». «One cannot support them in one region, in the Middle East or the North Caucasus, and still think that this terrible sickness of the modern world will not come to other parts of the world,” she said, urging greater cooperation in the global fight against terrorism. “It can't possibly be that way”» [30].

«Когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [19. С. 46].

Следует отметить, что морбиальная метафора политического дискурса различных обществ и культур дает различное представление восприятия существующей действительности. Учитывая данное обстоятельство при проведении герменевтического анализа текстов с помощью метода деструкции, мы можем утверждать, что метафора является не столько «средством лечения» болезни, сколько способом ее осмысления: определение субъектов и прогнозирование способов преодоления кризиса, а значит, и предотвращение этой самой «болезни».

Таким образом, морбиальная метафора, являясь моделью современного политического дискурса, представляется нам одним из способов осмысления концепта «Терроризм». Она представляет общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. В процессе существования конкретного современного индивида «языковая картина мира» предшествует концептуальной и формирует ее, потому что субъект способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Именно в языке закрепляется общественно-

исторический опыт. Как показывает анализ, морбиальная метафора является средством осмысления действительности, характерным для картины политического мира различных стран и, несмотря на то, что ее актуализация относительно той или иной сферы-мишени варьируется, в целом наблюдаются сходства в метафорических моделях. Метафоры помогают человеку преобразовать языковую картину мира, которая существует в нашем сознании, ввести новую категоризацию в представление и дать им новую эмоциональную оценку.

Язык выступает как источник данных, с помощью которых выявляются общие принципы понимания. А они, в свою очередь, скорее, опираются на целые системы концептов, чем на отдельные слова или отдельные понятия. Мы пришли к выводу о том, что такие принципы часто метафоричны по своей природе и предусматривают понимание одного вида опыта в терминах другого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
3. Баранов А.В. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Большой юридический словарь М.: Книжный мир, 2010.
5. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
6. Бушмакина О.Н. Онтология постсовременного мышления. Метафора постмодерна. Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998.
7. Галеева Т.И., Богатырева С.Н., Кахиахмедова С.Х. Метафорическое моделирование концепта «Терроризм» в политическом дискурсе // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Издательские решения, 2016.
8. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
9. Кагарлицкий Б. Анатомия террора // Свободная мысль. 2005, № 4. С. 3-11.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
11. Карасик В.И. Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 7. Воронеж: ВГУ, 2007.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
14. Ленк Х. Схемные интерпретации и внеаучные формы мышления. Симпозиум. Москва-Киль. Институт философии РАН. Кильский университет (ФРГ). Центр по изучению немецкой философии и социологии, 1996.
15. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
16. Медицинская энциклопедия. Под ред. Петровского Б.В., 1988.
17. Почепцов Г.Г. Семиотика. М., Киев, 2002.
18. Рикер П. Кант и Гуссерль. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX в. Томск, 1998.
19. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990
20. Сайтаева Т.И. Языковая природа социальных стереотипов. Диссертация. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 2006
21. Сепир Э. «Новое в лингвистике». Вып.1. М. 1960; перепечатка «Зарубежная лингвистика». I. М., 1999
22. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
23. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М, 2004.
24. James W. Principles of Psychology. Vol. II. Chapter XXI.
25. Schmid A. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. 1983.
26. Zinken Jörg Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition [Imagination in discourse. On modelling metaphoric communication and cognition]: Ph. D. thesis. University of Bielefeld, 2002.
27. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20011106/142061.html>.
28. Бхала Р. Россия пристально и нервно наблюдает за развитием отношений США и Ирана. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150408/227373907.html>.
29. Каспаров Г. Путин совершает круг почета на виду у Обамы. URL: <http://inosmi.ru/russia/20150930/230548684.html>.
30. Лесер Э. Теракты 13 ноября – 11 сентября для Франции. URL: <http://www.slate.fr/story/109911/terreur-11-septembre-13-novembre>.

31. Лукас Э. Ну почему, почему мы не слушали восточных европейцев? URL: <http://inosmi.ru/world/20140527/220608963.html>.
32. Миллер Д. Путинские ударные вертолеты и наемники побеждают в войне на стороне Асада. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160401/235957802.html>.
33. Обама Б. Заявление президента Барака Обамы, сделанное в воскресенье вечером в Овальном кабинете Белого дома. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151207/234708358.html>.
34. Рот Э. Терракты в Брюсселе: соболезнования и разгоряченная, злобная реакция российских политиков. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160323/235826820.html>.
35. Терроризм – болезнь, использующая религию как прикрытие. URL: <http://www.inosmi.ru/2001/11/06/1005042843.htm>.
36. URL: <http://context.reverso.net/перевод/русский-английский/терроризм,+подобно>
37. Янгол В.Н. Терроризм: понятие, признаки, классификация. http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=900.

Поступила в редакцию 24.05.2016

T.I. Galeeva, S.H. Kaziakhmedova, S.N. Bogatyreva

MORBIAL METAPHOR AS A WAY TO CONCEPTUALIZE “TERRORISM” IN POLITICAL DISCOURSE

In this article there is an attempt to understand such actual concept as “Terrorism” in terms of morbial metaphor in modern political discourse. Today it is very difficult to define the term “Terrorism” because of different updates in political discourse. As far as the description of death is meaningless and some diseases lead to fatality, we try to realize such phenomenon as “Terrorism” through the image of “disease”, because there is no remedy of death but a disease may be warned or at least treatable. Any person is born to assert, create and go on the life. Any physical (physiological) or mental disorder prevents full human presence in the world. That is why we try to interpret such extraordinary and horrible thing as “Terrorism” from at least this perspective, together with other authors and their works all over the world.

Keywords: morbial metaphor, discourse, concept, interpretation, category, situation.

Галеева Татьяна Ильинична,
кандидат философских наук, доцент кафедры
романо-германских языков
E-mail: tilisait@gmail.com

Казиахмедова Светлана Ханмагомедовна,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой романо-германских языков
E-mail: svet1470@mail.ru

Богатырева Светлана Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета иностранных языков
E-mail: svetlana-690204@mail.ru

ФГБОУИВО «Московский государственный
гуманитарно-экономический университет»
107150, Россия, г. Москва, ул. Лосиноостровская, 49

Galeeva T.I.,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
at Department of Roman and Germanic Languages
E-mail: tilisait@gmail.com

Kaziakhmedova S.Kh.,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of Department of Roman and Germanic Languages
E-mail: svet1470@mail.ru

Bogatyreva S.N.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Dean of Faculty of Foreign Languages
E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Moscow State University of Humanities and Economics
Losinoostrovskaya st., 49, Moscow, Russia, 107150